

18+

ИВАН БЕСЕДИН

Фитилёк

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТЬ

Иван Беседин

Фитилёк. Рассказы и повесть

«Издательские решения»

Беседин И. А.

Фитилёк. Рассказы и повесть / И. А. Беседин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-699752-3

«Молочный сад», «Фитилёк», «Воскресенье» и повесть «Юрий Рюшин» — четыре истории о том, что держит человека на земле. Женя прощается с деревенским детством и собакой по кличке Лапа. Ваня ищет спасение от ночных кошмаров в бабушкиных блинах. Лиза встречает у храма мудрого старика. А пожилой строитель Юрий пытается спасти деревья, хранящие память о тех, кого уже нет. Сочинения о любви, памяти и негромком счастье — о том, что превращает обычный двор в райский сад.

ISBN 978-5-00-699752-3

© Беседин И. А.
© Издательские решения

Содержание

Молочный сад	6
Фитилёк	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Фитилёк

Рассказы и повесть

Иван Александрович Беседин

© Иван Александрович Беседин, 2026

ISBN 978-5-0069-9752-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Молочный сад

Последняя тёплая неделя лета — на следующей начнутся дожди, а там и осень. Женя нехотя думала об этом. Для неё, как и для многих других подростков, наступление осени означало старт учебного года, и мысль об этом часто омрачала её летние деньки.

Она сидела на прибрежной травке возле небольшого озера и наблюдала за восходом солнца, которое совсем скоро будет припекать её каштановые волосы последними тёплыми лучами и сделает веснушки ещё более заметными.

Женя осознавала, что больше не приедет в деревню и не посидит так ещё очень долго, а то и вовсе никогда. Бабушка уже в том возрасте, когда вести хозяйство одной очень трудно, поэтому её забирают в город, а дом останется лишь летним воспоминанием для девочки и воспоминанием всей жизни для бабушки.

Она уже не хотела плакать: слишком много было пролито слёз на этой почве. Женя даже распланировала следующее лето: до августа работать в небольшой конторке отца её подруги, чтобы купить велосипед себе и на день рождения младшему брату, которому исполнится девять, а потом ездить к этой же подруге на дачу и отдыхать там. Хотя и понимала: никакая дача не заменит ей эту деревню, расположенную в ста километрах от города, где даже соседей видишь так редко, что можешь вовсе забыть об их существовании.

Сейчас ей хотелось лишь раствориться в этой опьяняющей утренней свежести и в лучах солнца, которое совсем скоро заставит озеро переливаться золотом. Пока же оно озаряло берёзы на противоположной стороне, придавая их кронам ярко-оранжевый контур, и мелкую мягкую травку рядом с ней, которая щекотала пятки. Вокруг всё казалось волшебным.

Маленькая стрекоза села ей на большой палец стопы, и Женя любовалась её крылышками, переливающимися в солнечном свете. Она чувствовала себя единым целым с этим местом — его продолжением. Стараясь как можно тише дышать, она впитывала звуки, которые её окружали: утреннее пение птишек, шелест травы и камышей, что трепал уже почти осенний ветерок. Она слышала это место и вслушивалась в каждое его слово.

Женя растянулась на пледе, зажмурила глаза, которые слепило солнце, и сама, не замечая того, слегка заулыбалась. Несмотря на столь юный возраст — через месяц ей шестнадцать, — в котором обычно не задумываются о Боге или же чаще всего отвергают Его, она верила и очень сильно.

Собственно, верила и в рай, при мысли о котором ничего, кроме этого места, ей не приходило в голову. Она не представляла там ангелов и самого Господа — в её раю всё было на своих местах, всё было так же, как и сейчас. Порой казалось, что если он выглядит иначе, она и вовсе расстроится.

Лёжа на пледе, она перевернулась на живот и наблюдала за движением кучевых облаков, которые казались ей воздушными замками.

О, как же ей иногда хотелось жить в этих невесомых строениях, со столь же невесомыми людьми, общаться на невесомые темы, есть невесомую еду и совсем не переживать о невесомых проблемах. Она уже представляла, как, просыпаясь утром, встаёт со своей воздушной кровати, надевает такие же воздушные тапочки и направляется в облачный садик, где, к её удивлению, росли не величественные розы или грациозные орхидеи, а всего лишь камыши — столь милые и любимые её сердцу.

Её никогда не смущала мысль — скорее, она даже не задумывалась о ней, — что, глядя со своего маленького облачка вверх, она всегда представляла такие же облака, словно смотрела снизу, с земли...

Но как быстро она поднялась так высоко, чтобы выйти в свой молочный сад, так же быстро ей пришлось спускаться обратно, предварительно успев закрыть на ключ свой уютный

домик. Её голова резко опустилась, и она быстро забыла о своих воздушных мечтах, потому что уже смотрела на торопливо идущую к ней маленькую дворняжку.

Не стоит пугаться: это очень доброе, милое и незащитное создание, которое было рождено исключительно для одной цели — самой истинной, какая только может быть, — любви. Этой дворняжке был примерно год.

Небольшая семья Жени: мама, папа, младший брат и бабушка — прикормили это милое создание, когда она ещё была щенком, и, конечно же, все очень к ней привязались, особенно Женя. Собака не обделила её вниманием и впоследствии всегда начинала радоваться, когда Женя подъезжала на старой отцовской «Тойоте» к дому. А когда девочка подходила к воротам, собачка прыгала, словно вне себя от счастья.

У собаки была довольно длинная шерсть, полностью рыжая, и только морда и одна лапка выделялись: морда была чёрная, а лапка белая. Из предложенных кличек от папы и бабушки были такие, как Шурка, Цаца, Умка, Лелька, — конечно, эти варианты совершенно не рассматривались и были скорее иллюзией выбора, чем кандидатами на имя.

В итоге собаку назвали Лапа, потому что это, как указано ранее, была её отличительная черта, а Мордой звать её никто не хотел.

Лапа постоянно крутилась возле них и вскоре стала жить на их участке — благо никто из взрослых не был против. Она не доставляла никаких хлопот, и хоть охранник из неё был довольно спорный — слишком милая к людям, — с ней на участке было как-то спокойнее.

Совсем скоро Женя осознала, что иначе не могло и быть: родители не могли не разрешить приютить эту одинокую, ласковую душу — воплощение любви на Земле. Не стоило даже переживать об этом, ведь как человек — настоящий, не просто названный так и имеющий его привилегии, — может опускаться до того, чтобы обижать этих созданий или быть к ним равнодушным? Истинный человек, не может не быть ласковым и милым к животным — любим. Как велико её презрение к охотникам — к людям, которые выбрали убивать самые невинные души на земле по собственной воле, а многие ещё и бахвалясь этим. «Ваши трофеи — ваши грехи!» — именно этой фразой, которая, впрочем, никогда не звучала вслух, всегда заканчивался благородный гнев Жени на эту тему.

Лапа бежала трусцой, слегка высунув язык, и смотрела полными любви глазами на девочку, лежащую животом на пледе. Если бы Лапа была человеком, её представление о рае было бы очень похоже на представление Жени: наверняка она бы тоже расстроилась, если бы рай выглядел иначе. Но, в отличие от девочки, её рай заключался не в месте пребывания — вовсе нет, — а в обществе. В обществе её бога, которым была Женя. Для Лапы это было что-то гораздо большее, чем мысль.

Подбежав к девочке, она прильнула своей ласковой мордочкой к её шее, щекоча усами и слегка охлаждая кожу Жени своим мягким влажным носом. На лице девочки появилась улыбка, наполненная душевным трепетом к Лапе. Но в то же мгновение в её груди что-то сжалось с такой силой, что ей показалось: ещё немного — и она совсем задохнётся, а сердце будто окатили ведром кипятка. Хотелось плакать, но слёзы встали комом в горле и не хотели выходить. Женя понимала: она видит Лапку в последний раз.

Женя села, и Лапа тоже. Чувство, накатившее на девочку, не хотело проходить и даже усилилось от ощущения, что собака всё понимает и, утешая хозяйку, прощается с ней. Девочка нежно гладила собаку по голове и смотрела то в её бездонные от любви глаза, то в не менее бездонное от воспоминаний озеро, которое уже полностью переливалось золотом от выглянувшего из-за крон деревьев солнца.

Страшное чувство прошло, и Женя снова улыбалась. Вид, который всегда действовал на неё самым умиротворяющим образом, не был причиной этой улыбки. Она поняла, что Лапа будет с ней: родители просто не смогут разделить столь привязанных друг к другу существ. К тому же, справедливости ради, они и не захотят этого делать.

Женя пришла к этой мысли спокойно и, несмотря на свой тревожный характер, не переживала на этот счёт, а просто приняла как факт.

Заглядывая в недалёкое будущее, хочу оставить упоминание о том, что Лапу, конечно же, забрали.

Женя сидела и продолжала вслушиваться в мелодию ветра, которая обволакивала её спокойствием, и, хотя сама она старалась как можно тише дышать, посапывание её собачки вовсе не отвлекало, а наоборот — дополняло, являясь аккомпанементом. Никакая музыка в мире не могла сравниться с этой божественной симфонией.

Время пролетело быстро. Надо было вставать и идти помогать собирать пожитки, её наверняка уже потеряли, хотя прекрасно знали, где она, но в этот раз она слишком уж задержалась. Женя медленно, нехотя поднималась. Могло показаться, что это Ева, изгоняемая из рая. Она встала и смотрела на великолепие облаков, медленно плывущих в пучине безмятежности.

Девочка вдруг удивилась, как раньше не замечала этого: мысль была так проста, почти над самой головой. Облака медленно проплывают — достаточно медленно, чтобы каждый успел ухватиться за них и плыть вместе. Разве вся радость жизни может быть привязана к одному, пусть даже поистине прекрасному месту? Конечно нет. Как облака не имеют границ, так и радость жизни не может быть ограничена.

Переведя взгляд с камышей на деревья и, наконец, на озеро, которое ещё недавно было её раем, Женя поняла: она повзрослела. Рай больше не был связан с местом. Он стал безграничным и лёгким, как облачко, но куда ближе. Рай стал человеком.

Фитилёк

Как прекрасен сон, который окутывает уставшее тело тёплой пеленой и окунает его в безмятежное море грёз; но как плох тот сон, что заставляет сердце замирать от ужаса, а тело дрожать от волнения.

Двенадцатилетний Ваня проснулся весь в поту и с глазами, влажными от слёз. Снова тот кошмар, который не снился ему так долго. Омерзительный белый круг.

В более раннем возрасте этот кошмар часто навещал Ваню, и спасение от него заключалось в тёплых объятиях мамы. «Мой маленький чувствительный котик. Снова сегодня о чём-то тревожился?» — говорила она, когда в ночной тишине Ваня, свернувшись в клубочек, молча требовал её прикосновений. В них он быстро забывал обо всём и крепко засыпал до самого утра. Но, просыпаясь, мальчик вновь вспоминал увиденное прошлой ночью — отвратительно ровный, пульсирующий белый круг, который был чистой эссенцией ужаса для него. К счастью, сознание быстро стирало эти воспоминания. Два года назад он видел этот сон в последний раз — до сегодняшнего дня.

Проснувшись, Ваня с облегчением переводил сбившееся после сна дыхание. Солнечный осенний, едва тёплый лучик проникал в его комнату сквозь штору. В этот раз он очнулся не посреди ночи, а под утро — и был невероятно рад этому.

Ваня вытер о подушку слёзы. Быстрее, чем обычно, встал с кровати, подошёл к шторе и отёрнул её. Через окно он вглядывался в голубое и чистое, как тихий океан, небо. Он, подобно первооткрывателю, путешествовал по нему и пытался найти хоть один безмятежный островок в этой глади. Безуспешно. Его отвлек запах свежеевыпеченных блинов. Однако он не сразу пошёл искать причину этого аромата, которую и так знал.

У него появилось непреодолимое желание лечь обратно в постель и хоть немного продлить это мгновение. «Счастье рядом», — подумал Ваня. В этот момент на его кровать запрыгнула кошка. Вот уж действительно рядом. Серый комочек любви ластился к мальчику, прося внимания и ласки, а он охотно откликался, нежно её поглаживая. Так они нежились около четверти часа, пока у Вани не заурчал живот. У кошки тоже. Вместе они пошли на кухню.

Какое наслаждение — идти по коридору и предвкушать вкус свежих бабушкиных блинов. Они не просто утоляли голод и согревали желудок. Казалось, они питали и согревали душу и мысли. Не потому, что Ване так уж нравились блины, а потому, что их пекла его нежная, милая бабушка, заботливо складывая каждый блинчик на тарелку и отдавая самые красивые внуку, а те, что не удались, оставляла себе.

Он молча наблюдал за плавными движениями бабушки. В какой-то момент ему стало казаться, что она всю жизнь только и делала, что пекла блины: сначала для братьев, потом для дочерей, а сейчас для внука. Он даже не мог представить, что бабушка когда-то была другой, что у неё было много домашних хлопот и работы, что порой ей приходилось переживать тяжёлые утраты и при этом продолжать улыбаться ради детей. Впрочем, хорошо, что Ваня не думал об этом — он бы заплакал.

Сейчас он наблюдал за утренними лучами солнца, которыми была озарена кухня и которые так красиво ложились на бабушкин халат. Он молча стоял и смотрел. Обворожительный запах блинов всё ещё ощущался.

В отражении окна бабушка вдруг заметила Ваню.

— Ой, доброе утро, Ванечка, — начала она своим нежным голосом, который бывает только у бабушек.

— Садись скорее за стол, как раз блины чуть подстыли. Ты с чем будешь?

— Со сгущёнкой, — с улыбкой сказал Ваня.

Бабушка налила ему чай и подала всё к столу. Сама продолжала допекать блины, время от времени расспрашивая внука о чём-нибудь. Ване было так вкусно — блины просто таяли во рту, — что он отвечал лишь кивками. Это очень радовало бабушку.

Плотно поев, он пошёл умываться и собираться в школу. Там он получил двойку по русскому языку. Расстроенный, что огорчит сначала бабушку, а потом маму, он шёл домой. Он всегда переживал именно из-за этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.